



УДК 111.1; 316.33; 316.454.3

© Г. Ю. Чернов, 2012

## ВВЕДЕНИЕ В ОНТОЛОГИЮ СОЦИАЛЬНО-МАССОВЫХ ЯВЛЕНИЙ

*Чернов Г. Ю.* - канд. филос. наук, доц. кафедры истории и философии, тел.: (351) 2800748, e-mail: gch61@bk.ru (Челябинский институт ФГОУ ВПО «Уральская академия государственной службы»)

Целесообразность введения концепта «социально-массовые явления» (СМЯ) обусловлена: его описательной и познавательной емкостью; стремлением зафиксировать в понятии не сумму, а именно систему массовых явлений (систему сложную, динамическую); необходимостью отделения массовых феноменов, имеющих место в социуме, от природных массовых явлений. Данный концепт также позволяет обособить социально-массовое от «классического» социального, поскольку масса не представляет собой классической социальной группы, говорим ли мы о толпе, либо о массе как метаобщности эпохи позднего потребительского капитализма.

The suitability of introduction of the concept of socially mass phenomena is caused by the following: its descriptive and informative capacity; the aspiration to fix in the concept not a sum, but a system of mass phenomena which is difficult and complex; the necessity to separate mass phenomena existing in the society from natural mass phenomena. The given concept also allows to separate socially mass from «classical» social, because the mass is not classical social group, whether we speak about the crowd or about the mass as meta-generality of the epoch of late consumer capitalism.

*Ключевые слова:* социально-массовые явления, дисциплинарная онтология, социальная масса, «массовая культура», массовое сознание, массовая психология, массовое поведение.

Онтология социально-массовых явлений является видом дисциплинарных онтологий, представляющих, согласно В. С. Степину, обобщенное видение системно-структурных характеристик предмета исследования (науки) [1]. В отличие от философской онтологии дисциплинарная онтология раскрывает не фундаментальные основы бытия вообще, а принципы организации и функционирования одного из его (бытия) фрагментов. Если воспользоваться теоретико-философской моделью, предложенной М. С. Каганом, следует выделить четыре главных модификации бытия, или его подсистемы: природу, общество, культуру и человека.



Рис. 1. Структура бытия (по М. С. Кагану)

Метасистемой (системой систем) является, согласно М. С. Кагану, бытие во всей полноте этого исходного философского понятия. Природа есть наличное бытие материи, общество же выступает как внебиологический способ связи людей в их совместной жизни и деятельности. Человек предстает сложной трехсторонней системой – биосоциокультурной, центральным «звеном» в цепи основных форм бытия, деятельным и наделенным сознанием существом. Культура представляет собой инобытие человека, «вторую», созданную им природу (все более теснящую первую, становящуюся новой средой существования человека), совокупность материальных, духовных, художественных артефактов, выступающих в качестве особого механизма «социального наследования» [2].

Социально-массовые явления являются специфической *социокультурной* подсистемой, интегрированной в системы «общество», «культура», «человек» и взаимодействующей с системой «природа».

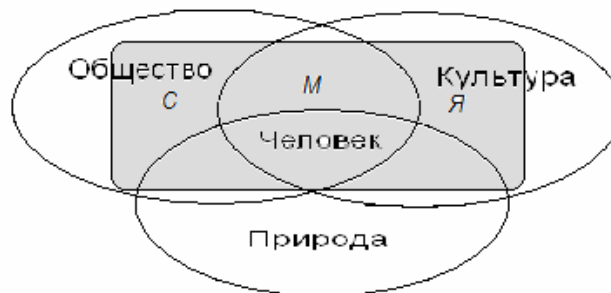


Рис. 2. Место социально-массовых явлений (СМЯ) в системе бытия

Однако, прежде чем приступить к дальнейшему рассмотрению онтологии *социально-массовых явлений (СМЯ)*, необходимо кратко пояснить суть данного концепта, в интерпретации автора настоящей работы.

Новизна предложенного нами понятия «социально-массовые явления» в известном смысле относительна, так как взятые по отдельности, массовые явления в социуме давно уже стали объектами философского и гуманитарно-



научного анализа (в особенности «массовое сознание», «массовая культура»), а современной наукой разработан арсенал теоретических и методологических принципов исследования названных явлений, использование которого подводит и к осознанию их системного единства. В отечественных исследованиях проблем социальной массы, массового сознания и массовой культуры системный подход и ранее находил определенное применение. Однако диапазон его использования в научных разработках, как правило, ограничивался в связи с тем, что либо в качестве системы рассматривалось лишь одно из социально-массовых явлений (масса, массовое сознание, массовая культура, массовое поведение и другие), иногда взятое во взаимосвязи с другим, также представленном в качестве системного объекта, либо же одно из этих явлений изучалось в качестве элемента или подсистемы определенной более широкой макросистемы (например, массовое сознание в качестве сегмента общественного сознания). В основе предпринимаемого нами исследования лежат, прежде всего, представления о наличии системных взаимосвязей между самими разного рода массовыми явлениями, о необходимости выделения в качестве целостного объекта научного исследования особой *макросистемы социально-массовых явлений*. Подобный подход к изучению массовых явлений был намечен в ряде работ Б. А. Грушина, а также, в определенной степени, в рамках западной социологии, в частности, в процессе выработки такого комплексного понятия как «массовое общество».

Целесообразность введения концепта «социально-массовые явления» (СМЯ) обусловлена:

во-первых, его описательной и познавательной емкостью;

во-вторых, стремлением зафиксировать в понятии не сумму, а именно систему массовых явлений (причем систему сложную, динамическую);

в-третьих, необходимостью отделения массовых феноменов, имеющих место в социуме, от природных массовых явлений: движений водных масс или песчаных масс в пустыне, массовых миграций птиц и животных и т. п.;

в-четвертых, данный концепт позволяет обособить социально-массовое от «классического» социального, возникающего на почве сознательных кооперации и взаимодействия индивидов и групп, обретающих черты нормативизации, институционализации, «рутинизации» (по П. А. Сорокину), поскольку масса не представляет собой классической социальной группы, говорим ли мы о толпе, либо о массе как метаобщности эпохи позднего потребительского капитализма.

Употребление термина «социально-массовые явления» позволяет исследователю избежать необходимости каждый раз обозначать контекст употребления слова «масса» и производных от него, ограничить массу социальную от массы в физике, «телесной массы», массы «денежной», «творческой» и т. п. Аналогом названного термина мог бы рассматриваться термин «социально-массовые феномены», однако его недостатком является, по нашему мнению, имманентное понятию феномена акцентирование дискретности, отдельности существования и рассмотрения каждого из маркированных термином

«феномен» объектов. Таким образом, подобный гипотетический термин мог бы обозначать скорее простую совокупность, суммативное множество, перечень массовых явлений в обществе, мы же стремимся указать на их системное единство и взаимосвязь, генетическое родство. Термин «явления», будучи более общим и семантически нейтральным, нежели «феномен», позволяет представить различные проявления социально-массового как связанное и взаимообусловленное целое и, в то же время, обозначить все явленные опыту и разуму формы массового в обществе. Термин «СМЯ» обнаруживает определенную универсальность, позволяет обозначить и абстракцию всех этих явлений, взятых в системном единстве, и некоторую часть этих явлений в их взаимодействии (например, массового человека как субъект-объекта «массовой культуры», толпу как субстрат массового поведения и т. п.); использованный в единственном числе, он может указывать и на конкретный, отдельный массовый феномен.

К области социально-массовых явлений мы относим, в первую очередь, такие феномены как социальная масса (при практически любых интерпретациях содержания термина), «массовая культура», массовое сознание, массовая психология и массовое поведение (проявляющееся в ходе организованных и спонтанных массовых взаимодействий, при однородном или разнородном составе их участников; включая такие модусы массового поведения, как социальное подражание, массовое потребление и др.). Общим атрибутивным свойством всех этих явлений выступает массовость, понимаемая не только как количественная, но, прежде всего, как качественная характеристика социального или духовного взаимодействия, как единый способ сознания и поведения [3]. Тогда мы можем определить социально-массовые явления как *находящиеся в системно-генетических связях друг с другом феномены, возникающие и проявляющиеся в процессе совместного существования индивидов в обществе, которые основываются на едином (тождественном, унифицированном) способе сознания (психического переживания) и поведения множества индивидов*. Они (различные СМЯ) являются: 1) либо субстратами массового (масса, «массовый человек», носитель «массового сознания»); 2) либо его производными, функциями (массовое поведение, например поведение в толпе, массовое потребление), 3) либо процессами порождения массового в обществе (массовизация, массивфикация, социальная атомизация), 4) либо же одновременно выступают в нескольких ипостасях (например, «массовая культура» – масскульт, в 1 и 3 из приведенных выше ипостасей «массового»).

По отношению к таким макросистемам как «общество», «культура», «общественное сознание», социально-массовые явления предстают в качестве автономной подсистемы, определенные грани которой оказываются включенными в состав названных макросистем: система «общество» – подсистемы «масса» (статический аспект), «массовое поведение» (динамический аспект); система «культура» – подсистема «массовая культура»; система «человек» – подсистемы «массовый человек», «массовое сознание».



Безусловно, такая трактовка интеграции компонентов системы СМЯ в системы высшего порядка не является единственной либо исключительной. Научные (частнодисциплинарные) представления о конфигурации подсистем, как и понимание сущности компонентов системы СМЯ могут различаться в зависимости от избранного угла зрения, от исследовательских подходов, о многообразии и специфике которых уже шла речь в монографии и ряде публикаций автора данной статьи [4].

В трактовке системного характера СМЯ, их роли и места в структуре бытия мы исходим из следующих принципиальных методологических положений:

1) социально-массовые явления не являются простым конгломератом разнородных феноменов, а находятся между собой в сложных системных взаимосвязях и образуют в своей совокупности *систему*;

2) каждое из наиболее фундаментальных массовых явлений (социальная масса, массовое сознание и массовая культура), в свою очередь, обладает качествами системы и выступает в качестве подсистемы по отношению к целостной системе (макросистеме) социально-массовых явлений;

3) по отношению к таким макросистемам как «общество», «культура», «общественное сознание», социально-массовые явления предстают в качестве автономной системы, определенные грани которой оказываются включенными в состав названных макросистем;

4) несмотря на определенную автономность по отношению к перечисленным выше макросистемам, социально-массовые явления оказываются системой более низкого порядка, и большая часть ее параметров детерминирована социальными и культурными факторами, изменениями в сфере общественного сознания;

5) однако, историческая практика показывает, что удельный вес и роль социально-массовых явлений, интегрированных в соответствующие макросистемы (прежде всего – в социальную), исторически меняются, и эти явления, как взятые по отдельности, так и в своей совокупности, оказываются способны, в свою очередь, превратиться в ведущие или достаточно значимые факторы перемен в названных макросистемах.

Тот факт, что социум является средой развертывания социально-массовых явлений, может порождать ряд заблуждений по поводу генетических и иерархических взаимосвязей последнего (социума) с СМЯ. Поэтому, дабы избежать теоретических недоразумений и прояснить специфику авторского взгляда на проблему, необходимо выделить и подчеркнуть ряд принципиально важных для нашего понимания СМЯ положений:

1) социально-массовое не тождественно социальному. Являясь реальной составляющей социума (в особенности современного), СМЯ скорее расшатывают социальное, являются следствием и/или фактором социальной дезинтеграции (реинтеграции);

2) аксиология и телеология массового скорее противостоит, нежели соответствует идее и практике социального;

3) массовое и обособленное («робинзонада», «атомизация») существование индивидов являются двумя крайними полюсами, между которыми располагается социальное, устойчивое развитие социума. В равной мере (хотя и в разных формах), как распадение социума на атомы-индивидов, так и массовое, доведенное до своего логического завершения могут нести смерть социальному бытию людей (последний случай является мотивом произведения Ж. Бодрийера «В тени молчаливого большинства») [5].

Эти постулаты, отражающие рабочие гипотезы исследовательской программы автора, требуют дополнительных аналитических выкладок относительно соотношения категорий массовое и социально-массовое.

Социальное не тождественно массовому, а массовое не есть простая разновидность социального. Социально-массовые явления в своем реальном воплощении могут быть силами антисоциальными, асоциальными и/или патолого-социальными.

Более широким, «родительским» понятием по отношению к понятиям «социальное» и «социально-массовое» («массовое») выступает «совместное». Совместное *социальное* поведение предполагает нацеленность на интеграцию, установление связей между людьми, закрепление данных связей и отношений в институтах (соответственно, антисоциальное направлено на подрыв, разрушение этих связей и институтов). В понятии «социально-массовое» его первый сегмент употребляется преимущественно для того, чтобы демаркировать массовое в обществе от массовых феноменов в природе. Массовое оказывается хотя и совместным, но отнюдь не социальным в указанном выше понимании. Под социальным мы, как правило, имеем в виду *организованное гетерогенное*, под массовым – неорганизованное гомогенное, хотя организация (шаблонизация действий, по П. А. Сорокину) массы и может вести к ее трансформации в те или иные фрагменты социального (аудитория, партия, группа поддержки).

Социальные явления, по нашим представлениям, это не любые явления, происходящие в обществе, а такие, которые направлены на рост позитивной социальности (связей, контактов между людьми, сообществами), способствующие социальной интеграции, самоорганизации общества. Социальное имеет тенденцию к институционализованному, часто рутинизированному взаимодействию индивидов, для него, в тоже время, характерно разнообразие групп и страт. Масса означает деконструкцию страт (временную – в толпе, либо финальную, окончательную, если рассуждать в духе идей Ж. Бодрийера и С. Московичи), их перетекание в одну, всеобъемлющую. Стирание же границ и различий означает конец социальной *жизни*, ее фикцию, конец социального. С социологической точки зрения, не является масса и классической социальной общностью, конституирующей общество, как это было показано в работах Б. А. Грушина, а также Е. И. Кукушкиной и Л. И. Насоновой, выступая как локусы ситуативной активности множества индивидов, либо как проявления маргинализации общества [6].



Социальный прогресс, как свидетельствует история, достигался за счет выдвижения и деятельности творческих элит, развития индивидуальности. Доминирование унифицирующее-массового начала угрожает и индивидуальности, и существованию духовно-нравственной элиты как специфической референтной группы. Поскольку массовый человек по определению не является творческой личностью и носителем исключительной нравственности, социум при его доминировании обрекается на застой и деградацию. В этом отношении тенденции роста социальности и роста массовости противоположны, а социально-массовые явления могут рассматриваться как по преимуществу *антисоциальные*. Антисоциальность массы проявляется и в форме буйствующей толпы, когда масса может нести угрозу всему социальному: социальным связям, учреждениям, артефактам.

Говоря о соотношении общества и массы, нельзя пройти мимо феномена «солидарной» толпы, на который в свое время обратил внимание Г. Тард: толпа радостная, влюбленная в самое себя, сеющая семена солидарности и взаимных симпатий друг к другу множества людей. Заметим, что такая «толпа» редко возникает сама собой, скорее организуется неким комитетом в период праздников (традиционных, из года в год повторяющихся); здесь, таким образом, есть признаки той самой рутинизации и организации гетерогенной в социально-групповом плане совокупности людей, что не дает оснований отнести это образование к типичным социально-массовым явлениям. Скорее это род организованной активности людей, проявления социального, чреватый риском перерождения в толпу буйствующую, иррациональную, учитывая эффект «эмоционального кружения» толпы, по А. П. Назаретяну [7].

Будучи порождением социальной жизни людей, массовое начало (понимаемое не как простая количественность, а как особое унифицированное качество, присущее множеству индивидов и их взаимодействию), тем не менее, может рассматриваться в большинстве своих проявлений как деформация социального, его аномальные или маргинальные формы. В отличие от «классических» социальных явлений, явления социально-массовые по качеству своего воздействия на социум могут квалифицироваться как:

1) *антисоциальные* – сознательно или бессознательно направленные на разрушение общества, распад социальных связей, несущие угрозу макросоциальному, обществу как целому (маргинальные массы; «первобытный зверь», выпущенный на свободу, прогрессирующая аномия толпы);

2) *асоциальные* – современная атомистическая масса (самоизоляция индивидов, их десолидаризация: дистанцирование от сотрудничества, взаимодействия, кооперации); панические толпы; нарастающее равнодушие к проблемам социетального уровня, эскапизм, абсентеизм;

3) *паталого-социальные* – некритично-миметическое, связанное с дефицитом индивидуальности: массовые фобии, массовые миметические «эпидемии» моды, силиконовой красоты, поп-фанатизм и «кумиромания», разрастание секс-меньшинств до уровня «секс-большинства», политический «вождизм» и т. п.

Разумеется, провозглашать социально-массовое абсолютным злом и антиподом всего социального было бы неверно. Массовые явления часто являются скорее неким «избытком», гипертрофическим продолжением или «перекосом» социального. В исторической динамике социума всплески активности масс (редко спонтанных, чаще вдохновляемых пассионариями или контрэлитами) вели к слому утративших актуальность форм социальной жизни, тиранических и деспотических форм властвования, тем самым прокладывая путь социальному прогрессу. Однако преувеличивать историческую роль масс – означает, по нашему убеждению, путать разрушение с созиданием.

Положения современной синергетической теории наводят на размышления о современной массе как хаотическом состоянии социума, которое не только является предвестником конца старого порядка, но и служит источником рождения нового «порядка из хаоса» (И. Р. Пригожин); хотя при нынешнем состоянии дел велик риск того, что это будет уже сугубо природный «порядок», без человека и его социума. Так или иначе, в контексте синергетических представлений онтологический статус массы и социально-массовых явлений меняется: из ранга явления маргинального, периферийного масса возводится либо в ранг синергетического «хаоса», чреватого новым порядком, социальной новостью нового типа, либо активность масс (толпы, великие буржуазные, пролетарские, «тюльпановые» и т. п. революции) рассматривается как мощная флуктуация, решающим образом влекущая развитие социальной системы к определенному аттрактору.

Оценивая в целом соотношение социальных и социально-массовых явлений, можно, как мы полагаем, говорить о СМЯ как формах деградации социального (а в ситуации доминирования масскульты, становления и социальной экспансии «человека-массы» – о деградации культурного и антропологического начал). На уровне «локусов» общественной жизни мы видим эту деградацию в иррационально-разрушительном «буйстве» толпы, когда происходит лавинообразное разрушение «цивилизационной надстройки» психики индивидов и их отношений, тогда как вне толпы (в семье, трудовом коллективе, в конторе) люди более рациональны, включены в статусно-ролевые взаимодействия. Упадок «социальности» (как и индивидуальности) наблюдается и в макромасштабе в современной урбанистической атомизированной массе (десолидаризация, жизнь по принципу «человек человеку – конкурент», виртуализация существования, телеэскапизм и т. п.).

Система социально-массовых явлений предстает динамической, исторически изменяющейся. Это проявляется в определенном исторически обусловленном реструктурировании данной системы, в актуализации и выдвижении на передний план в определенные эпохи тех или иных ее структурных элементов, в изменении содержания традиционных и рождении новых социально-массовых феноменов (например, «массовой культуры» XX века).

В доземледельческом, первобытном обществе социально-массовые явления (социальная масса, массовое сознание) представляли собой всеобщую форму существования ранних социальных и духовных образований вообще





(первобытного коллектива и его коллективно-мифологического сознания). В земледельческих обществах массовость приобретает более дробный и дифференцированный, сословно-локальный характер, основанный на классовых, корпоративных, формирующихся национальных различиях. Интегрирующую и массовизирующую роль в этих обществах играли, прежде всего, мировые религии, формировавшие внесословные религиозно-массовые элементы в сознании множества индивидов. Различные группировки масс управлялись здесь формальными (правлящими) элитами, формировавшимися по сословному принципу и отчасти носящими в себе признаки действительной элиты (квалифицированной, высокодуховной).

Действие социальных и социокультурных факторов Нового времени открыло дорогу к универсализации массовости на новой основе и в новых ее формах. В эпоху буржуазных революций и на ранней стадии индустриального общества актуализируются прежде всего социально-психологические формы социально-массовых явлений (толпа, политические публики), а также массовые демократические движения (либеральные, пролетарские, позднее – антивоенные, потребительские и т.п.), что фиксируется в повышенном научном интересе именно к этим явлениям на рубеже XIX – XX веков.

В развитом индустриальном обществе насаждение индивидам унифицированных массовых качеств приобретает всеохватывающий характер. Это означает, что выработка массовидных и утрата индивидуальных качеств осуществляется во всех наиболее значимых областях деятельности: производственной и потребительской, коммуникативной, аксиологической (оценочной), познавательной и других. В силу действия ряда мощных социальных и культурных факторов востребуется и вырабатывается определенный тип индивида, соединяющий в себе ряд качеств: а) нетворческого, функционального типа личности, ориентированной на механическое выполнение заданной социальной роли; б) деиндивидуализированного потребителя, податливого к рекламным и другим массовым внушениям; в) повышенно амбициозной личности, избавленной от самооценки, преисполненной жажды социального возвышения и достижения потребительского «максимума». Постепенно толпа и другие формы социально-психологической массовости оттесняются на задний план всеобщей атомистической массой, сплавиваемой и организуемой почти исключительно внешними коммуникаторами. Массовые ценности, в том числе связанные с упомянутыми выше личностными характеристиками «массового человека» нового типа, начинают пропитывать собой и процессы культурного воспроизводства. Вероятно поэтому на начальных стадиях формирующегося постиндустриального общества, несмотря на ряд качественных перемен в социальной структуре, технологиях и т.д., видоизменяющий ряд своих внешних признаков и вырабатывающий все новые потребности, но во многом «все тот же» «массовый человек» продолжает свое победное шествие, представляя в своей растущей технической оснащенности и множасьихся вожделениях теперь уже не только биосферную (то есть, в итоге, саморазрушительную), но и космическую угрозу. Отдельную

проблему представляет и потенциальная возможность будущей интеграции массового человека с миром искусственного (намечающейся в замене естественных тканей организма более долговечными искусственными материалами). Вычерчивается и другая сторона развития этих процессов: растущая социализация и рационализация сознания человека в сочетании с перечисленными ранее качествами массовой личности уже сегодня, по оценкам отдельных авторов, ведут к формированию особого типа «сверхлюдей», своеобразных социальных роботов, которых А. А. Зиновьев именуется западоидами [8].

Таким образом, в исторической динамике меняется не только конфигурация системы социально-массовых явлений (она дополняется «массовой культурой», «массовым потреблением», «человеком-массой» как доминирующим антропологическим типом), но и ее онтологический статус. Из маргинального, периферийного сегмента социума, культуры, человеческих типов СМЯ превращаются в доминантные, определяющие характер развития основных подсистем бытия явления. Это, в свою очередь, увеличивает значимость исследования проблематики СМЯ, создает предпосылки для оформления общей теории СМЯ (массологии) в самостоятельную отрасль междисциплинарных исследований, подобную элитологии.

### Библиографические ссылки

1. *Степин В. С.* Синергетика и системный анализ // Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания. М., 2004.
2. *Каган М. С.* Философия культуры. СПб., 1996.
3. *Грушин Б. А.* Масса как субъект исторического и социального действия // Рабочий класс и совр. мир. 1984. № 5.
4. *Чернов Г. Ю.* Социально-массовые явления: исследовательские подходы. Дубна: Феникс+, 2002; *Его же.* К вопросу о постмодернистском подходе к социально-массовым явлениям // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. №29 (167). Философия. Социология. Культурология. Вып. 13.
5. *Бодрийяр Ж.* В тени молчаливого большинства // Ясперс К., Бодрийяр Ж. Призрак толпы. М.: Алгоритм, 2008.
6. *Грушин Б. А.* Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. М.: Политиздат, 1987; Кукушкина Е. И., Насонова Л. И. Обыденное и массовое сознание // Вестник Моск. ун-та. Сер.12. 1991. № 1.
7. *Назаретян А. П.* Психология стихийного массового поведения. М., 2005.
8. *Зиновьев А. А.* Глобальный Человейник. М., 1997.